

Владислав Мирзоян

**Гур-гур
вместо
музыки**

Владислав Мирзоян
Гур-гур вместо музыки

«Издательские решения»

Мирзоян В. М.

Гур-гур вместо музыки / В. М. Мирзоян — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855052-2

Книга из трёх глав. Первая — воспоминания ученика об Учителе, классике отечественного неигрового кино, автора сценариев более сотни фильмов Леониде Гуревиче. Вторая — о судьбе сценариев. И третья — памяти актёра и мима Ильи Рутберга.

ISBN 978-5-44-855052-2

© Мирзоян В. М.
© Издательские решения

Содержание

гур-гур вместо музыки	6
Глаза	6
Первая трещинка	8
Деньги	9
Адвокат	10
Первый фильм	12
Министр	14
Кулак	16
Агент КГБ	21
Первый раз JFK	22
Америка	23
Профессора	24
Языки	26
Фукидид	27
Статуя Свободы	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Гур-гур вместо музыки

Владислав Михайлович Мирзоян

© Владислав Михайлович Мирзоян, 2017

ISBN 978-5-4485-5052-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

гур-гур вместо музыки

*гур-гур – киношный сленг —
фоновые шумы в кино.*

Глаза

1987-ой.

На меня смотрели две пары тёплых глаз.

Остальные были холодны, или откровенно враждебны.

Первый – в чёрном интеллигентском свитере под горло – водолазке, с добродушным пузцом, круглолицый, с родинкой в надбровье.

Второй был похож на Джо Дассена – в безукоризненно выглаженной голубой рубашке с галстуком и с трубкой в руке, из которой разливался ароматный, пьянящий яблочный дымок.

И было это на вступительных экзаменах
на Высших Режиссёрских Курсах.

*

А заведение-то было элитнейшее —

раз в два-три года набирали по 20—30 человек со всей страны – конкурс чудовищный, поступить туда было непросто.

Мне потом рассказывала директриса Курсов – Ирина Александровна Кокорева:

– Из двадцати – семнадцать против тебя. За – только двое. Я – честно скажу – как-то... не очень ты мне. Но Гуревич встал и сказал – я хочу, чтобы этот парень учился у меня. Галантер его поддержал. А я поддержала Борю. Вот и вся твоя история.

*

Вот и вся моя история.

Что уж они во мне разглядели – не знаю,

но так я оказался на Высших Режиссёрских Курсах

мастерская авторского неигрового кино

двух уже тогда классиков —

Леонида Гуревича (драматургия) с пузцом и родинкой – первые тёплые глаза

и Бориса Галантера (режиссура) – вторые.

Галантер подключился позже и учил нас недолго – болезнь подкосила его.

Воз тянул один Гуревич.

*

Было молодо, было весело и всё казалось впереди.

И моложе всех был уже немолодой Гуревич —

это был второй набор, как ему разрешили преподавать.

В мастерской нашей – москвичка Олеся Фокина, Галя Руденко из Киева, московский грузин Миша Бакрадзе, Саша Виленский из Свердловска, Овез Вельмурадов из Туркмении, Женя Голынкин и я – из Ленинграда.

Думаю, остальное они напишут сами.

Я – только про свою с Гуревичем историю.

*

Двери наши были открыты.

И часто у нас на мастерской сидели и Виктор Косаковский, и увы, покойные ныне Александр Столяров и Алексей Балабанов.

Гуревича хватало не всех.

*

Первая трещинка

Первый курсовой сценарий.
Хочется сказать обо всём и сразу.
Видимо, так и рождаются глупости...

*

Сценарий был, естественно – сновиденческий
и, естественно, про судьбы мира —
на меньшее – я был никак не согласен.
И, конечно, там выкидывали Ленина из мавзолея.

Сейчас уж не вспомню кто, но врвалась толпа и с криками – святой, не святой? – волокла
чучело на Красную площадь... там, в буйстве разрывала —
и в чучеле оказывались опилки...
потом ветер гнал опилки по брусчатке, как позёмку...
Я считал, что это круто.
Судьбы мира теперь в надёжных сценарных руках.
Но то, что снять этот сценарий практически невозможно – я не понимал.

*

*– Это – не моё, – сразу отрубил Гуревич, но отрубил как папа, – Понимаешь – не люблю
символизма. Он мне не близок. Но ты имеешь полное право считать, что я в этом ничего
не смыслю... я люблю жизнь, люблю живых людей... их боль, радость, страдания – это
для меня – суть кино... ну... – пожал плечами, – ... если тебе так хочется, если тебе
снятся сны – решай сам. Только жизнь свою в сон не преврати... я твой сценарий буду
поддерживать... а Ленина – выкинь... – резко сменил тон, – Ты что – сдурел? Попрут
с Курсов и тебя и меня.*

*

Я шёл к метро оглушённый —
он, так много и бесстрашно говоривший о свободе – он боится?
Он предал меня...
Это стало первой трещинкой, через которую потянуло холодком.

*

И ещё я заметил, что Гуревич стал немного жалеть, что так горячо меня отстаивал.

*

Ленина я не выкинул.
С Курсов меня не выгнали.
Потому что – все сделали вид, что никакого Ленина там не было.
А трещинка затянулась.

*

Деньги

– *Ты не бесстрашен – ты упрям, как осёл. Но для режиссёра это не всегда плохо,* – прокомментировал в итоге Гуревич.

И тут же:

– *Как у тебя с деньгами?... есть?... если что – скажи. Подкину*

Я никогда не просил и не брал у него денег.

Но это – мне говорили только мама с папой.

И Гуревич.

*

Адвокат

88-ой

Случилась драка.

Так себе драчка, больше криков, чем той драки – стыдно рассказывать.

Но...

*

Следователь попался весёлый:

– *Из ваших – многие сидели. Вон – «Джентльмены удачи» который – мотал. А какой фильм! Оборжачка! Раз пять смотрел... Ерунда! Года три дадут! Это полезно.*

Такой пользы как-то... не хотелось.

*

– *На морпеха ты не тянешь*, – сказал Гуревич.

– *Ну*, – ответил я.

– *А адвокат у тебя есть? – Не*, – ответил я.

– *А у меня есть – а я не дерусь. А у тебя нет – а ты руки распускаешь.*

– *Вообще-то, их было трое*, – напомнил я.

– *Тем более*, – сказал Гуревич, – *А что папа у одного – чуть не генеральный прокурор одной из союзных республик – в курсе?*

– *Ну*, – ответил я.

– *А второй работал в журнале «Пограничник» – в курсе?*

– *Ну*, – ответил я.

– *А журнальчик этот – орган Политуправления КГБ СССР – в курсе?*

– *Ну*, – ответил я.

– *Так что ж ты руки распускаешь!*

*

Ситуация – идиотская.

Трое и один.

Но у них медицинские бумажки о побоях.

А меня бумажки не было.

Я плёлся в ресторан Дома кино на встречу с адвокатом Гуревича.

*

Адвокат оказался известным, как актёр Хабенский, а сейчас и вовсе – легенда.

– *Люблю это место. Да всё времени нет. Спасибо что вытащили*, – бодро приветствовал меня адвокат, – *Не возражаете, если начнём с холодного шампанского с икоркой?*

Я сделал вид, что всегда так начинаю.

*

– *Был у вашего судьи...* – отправляя ложку с чёрной икрой в рот, стал рассказывать адвокат, – *Она, правда, очень удивилась...*

– *Чему?* – промычал я.

Он стрельнул в меня взглядом:

– *Тому – что у меня зверский аппетит*

*

И после шампанского он его продемонстрировал —

меню пошло почти чуть не подряд.

Я пил коньяк и ковырял пельмень.

– *Да вы кушайте, кушайте, не стесняйтесь*, – подбадривал он меня.

Официанты почуяли крупный счёт и стало их аж четыре.

*

– *Самое худшее – год условно*, – очищая выносной мангал с шашлыком из осетрины, успокоил меня адвокат, – *Десертик?*

– *И сколько же я вам буду должен?* – не выдержал я.

Он сыто откинулся, вытер рот салфеткой и посмотрел на меня так, что я решил – лучше я сяду.

И пусть мне будет с этого польза.

– *Дорогой мой! Помочь такому человеку как Лёня – для меня большая честь. И удовольствие*, – и он расплатился с официантами так, что они потом чуть не год потом кланялись, едва завидев меня.

*

Так – я не сел.

– *Я ваш должник*, – сказал я Гуревичу.

– *Меня не бей – и в расчёте*, – ответил он.

*

Первый фильм

Первый учебный год пролетел, я собрался на практику в Ленинград, на родную студию, как Гуревич поймал меня:

– *Первую девушку свою помнишь?*

– *Ну... так*, – не понял я.

– *А это – ты запомнишь навсегда.*

– ?

– *Потому что – либо ты родишься, либо нет.*

– !

– *Поедешь в Новосибирск. Пробил тебе фильм. Пора тебе снимать*

Знал ли он, что в Новосибирске я родился и прожил там аж семь месяцев в коляске – не знаю, но судьба моя накручивала какие-то круги.

Не без его участия.

*

Вынужден немного о фильме – но это вернётся к Гуревичу.

Сценарий назывался безнадежно никак – «Инициатива наказуема?»

Героев был – калейдоскоп.

Я выбрал двоих – Марка и его бывшую жену Лилию.

Марк режиссер, которого КГБ выперло с телевидения, он развёлся с женой, шил джинсы, продавал на толкучке и косил под диссидента.

Я схватился за них. Почему – не знаю.

Скандалы с главным редактором – хоть их и разруливал Гуревич – опускаю.

*

Драматургия была проста.

Тёплое цветное пятно – квартира Лили,

цветное пятно – съёмная однушка Марка, где он шил свои штаны.

И между ними – пропасть – огромный чёрно-белый город,

где уже закипало это дикое торжище и хаос перестройки.

Марк должен был шить штаны, потом ехать на толкучку их продавать и раствориться в близкой толпе.

Лилия должна была печь торт в д. р. Марка и ехать к нему мириться, но никуда не доехать.

Но в жизни – я их решил помирить.

Гуревич всё это утвердил по телефону.

*

Я не помнил советского документального фильма,

где героиня переодевалась бы в кадре.

И я, как лис за курицей, ходил за Лилей и всё думал – как бы так её уболтать.

И неожиданно – получилось.

Эпизод вышел целомудренный – она сняла с себя спортивный костюм, осталась в белых трусиках и бюстгальтере, одела джинсы, свитер

и вышла с тортом из дома.

Я понимал – этот эпизод вызовет скандал, но мне очень хотелось это снять.

В паузе Гуревича в телефоне, слышал, как он морщится.

*

Второй эпизод, который должен вызвать скандал,

я снял специально для отвлекающих целей —

это был какой-то митинг, где страшно полоскали КПСС.

*

И третий эпизод, который я снял ещё в Ленинграде, про запас – в крематории горел человек.

Снимать это запрещено, но я просочился.
Разумеется, стоял малюсенький кусочек,
замедленно доведенный до, как мне казалось, образа.

*

Гуревич обещал прилететь в Новосибирск, но не смог
и в Москву я привёз уже готовый фильм.

*

И, конечно, я сначала показал его на Курсах Гуревичу.
Сразу после он утащил меня в какую-то аудиторию, закрыл дверь и обнял.
А что мне ещё было нужно?
Но сделал три поправки...

*

По поводу переодевания героини:
– *Если спал с ней – выкинь. Дешёвка... И вообще – это не метод. – Я не спал с ней*
Как он обрадовался!

*

А ведь я мог и обмануть.
А он мне поверил.
А он был очень недоверчив.
Он был мнителен.
Как человек, которого много обманывали.
И я его не обманывал. Я не помню, чтобы я его обманывал.
И с какого-то момента я понял, что и он никогда не врёт мне.
И как было просто.

*

По поводу горящего человека в финале:
– *Символятина. Опять за своё. Не трогай ты смерть. Когда-нибудь ты поймешь –
нельзя, нельзя этого делать. Взял – и в самом конце хороший фильм обосрал.*

*

Реакция на митинг был такая:
– *Ты что – дурак?*
– *Скажут – уберу, я и уберу*
– *Соображаешь... Но – переборщил. Можешь и сильно разозлить. Ещё пару лет
назад за это можно было сесть... дави на то, что это не ты сказал – это народ говорит.
Дух времени и всё такое... если тебе интересно моё мнение – слабоватый эпизод. Пря-
молинейный. В лоб кувалдой. Это текст листовки. А листовки пишут демагоги. Сверху
хорошая картинка, ничего фонограммка. Но не пахнет он кино.*

Он был очень точен в оценке фильмов.
Это был не профессионал. Это был профессионалище.

*

Но его отношение ко мне изменилось —
оно стало теплее и доверительнее.
Он стал делиться со мной личным.
Казалось – Лёня, говорун, душа нараспашку – он был очень скрытным.
Как человек, которого много били.

*

Министр

И пошёл я сдавать свой первый фильм...

*

Сейчас этого уже никто и не поймёт.

Госкино было два – РСФСР и СССР.

Фильм сначала надо было сдавать в первом, потом во втором.

*

Надев костюм и галстук, и взяв яуф – жестяное ведро с крышкой, в котором лежал мой детёныш, которого я вынашивал пять месяцев, я приехал в Госкино РСФСР.

Начальником тогда был Проценко Александр Иванович —

по уровню – министр.

– *Только на афишируй Проценке, что у меня учишься*, – предупредил Гуревич, – *Он меня сильно не любит*.

*

Но с собой я взял, кроме яуфа, ещё и свою подружку —

рослую, красивую девушку с длинными ногами,

попросив одеть юбку покороче.

А, может, она и сама одела.

*

Это было нервно, долго, нудно – наконец просмотр.

– *А это кто?* – спросил Проценко про девушку

– *Подружка моя*, – нагло ответил я.

Наглость моя Проценке понравилась. Подружка больше.

*

Фильм кончился.

Обычно – говорили редактора, главный редактор. Последним министр.

Это и был приговор.

– *А что – хороший фильм*, – удивлённо сказал Проценко, нарушив все регламенты.

Редакторы сразу закивали.

– *Пошли ко мне*, – сказал Проценко и мы пошли в его кабинет.

Вместе с моей подружкой.

Наглость моя Проценке понравилась. Подружка – ещё больше.

*

Я должен был сдать фильм любой ценой.

Иначе – горел квартальный план студии, премии и пр.

Кто из редакторов подал голос про «голую бабу в кадре».

У Проценки было хорошее настроение:

– *Никакая она не голая*, – возразил Проценко, – *Трусы, лифчик – всё так... деликатно*.

Чудо – голую бабу проскочили.

*

– *А человек горит? Какое надругательство!* – и так далее...

Тут начались самозабвенные монологи редакторов о смысле жизни, смерти, долге режиссёра перед жизнью и смертью и пр.

– *Все помрём*, – задумчиво сказал Проценко, – *Пусть останется*.

Знал бы он – крепкий мужик – совсем немного ему осталось.

Монологи закончились.

Второе чудо свершилось.

*

– *Ну... митинг этот – я не обсуждаю, – нахмурился Проценко, – Давай так – Партию нашу я никому трогать не позволю – выкидываешь митинг, я подписываю бумаги.*

Третье чудо свершилось.

*

Но какой чёрт меня дёрнул за язык сказать:

– *Я ничего переделывать не буду*

*

Кулак

Проценко удивился.

Министру – какой-то студентик говорит нет.

– *Ты что – спорить что ли со мной тут собрался?* – сильно удивился Проценко, – *Как Курсы называются?... При Госкино. Это мои Курсы. Сейчас позвоню Кокоревой – она тебя выгонит.*

– *Ну... звоните,* – и земля поплыла под стулом.

– *Да нет... – передумал Проценко, – ... я не буду Кокоревой звонить. Я мастеру твоему позвоню. Чтоб фильм за тобой переделал,* – он так и сказал – «за тобой» – как дерьмо убрал, – *Кто там у тебя мастер?*

– *Гуревич,* – сказал я.

И вспомнил, что говорить этого не следовало.

*

– *Ах, этот!... Понятно всё!* – откинулся в кресло Проценко, – *Значит – диссидентский капиталчик себе зарабатываете? И потом – страдальцами – на историческую родину?... Значит – так! Бабу голую убрать! Гроб убрать! Митинга этого – чтоб духу не было!... Нет... – редакторам, – ... завтра – ещё раз фильм просмотрите – и полный список поправок мне. Свободен!* – и занялся бумажками на столе.

*

Редактора ликовали. Подружка моя сидела пришибленная.

Всё геройство меня покинуло:

– *На какую историческую родину?* – зачем-то залепетал я.

– *А-а! Не хотят они с Гуревичем на родину,* – объяснил Проценко редакторам, – *В Америку хотят.... Наше государство их кормит, поит, обучает, учит. А они – на государственные же деньги – страну грязью обливают.*

Я уже не сопротивлялся – так, вяло вякал:

– *А где это я страну обливаю? Я про партию сказал.*

– *Рот закрой мне тут – про Партию!*

– *И то – не я сказал – народ. В народе зреет...* – и тут я случайно попал в какую-то точку, видимо, созвучную идеям Проценко.

– *Это не твоего ума дело! Партия разберётся!* – усмехнулся, – *Гуревич, небось, надумил?* – редактору – *Иру Кокореву вызови. Что она там смотрит? Гнездо какое-то диссидентское развели!*

*

Космонавтом вместе со стулом я плавал в тошной невесомости.

Мало – я сам утопал, так я ещё и Гуревича топил. И директора Курсов.

Которая ко мне очень хорошо относилась.

И это как-то придало мне сил:

– *А при чём тут Гуревич?*

– *Что – скажешь, не он это делал?*

– *Он вообще к фильму не имеет отношения*

Проценко удивился.

– *Он фильм видел?*

– *Видел. Вчера.*

– *Что сказал?*

– *Да то же, что и вы.*

Это очень удивило Проценку.

И я повторил ему почти слово в слово Гуревича. И ещё раз повторил:

– **Это – народ говорит. Нужны перемены. Время требует**

– **Нагод**, – передразнил меня Проценко.

Я разозлился.

Стул из невесомости брякнулся на пол.

– **Вообще-то – я не картавлю.**

*

Да Проценко и сам стал понимать, что я не еврей.

– **А если ты не картавишь, что ж ты ходишь у них на поводу?**

И тут, утопая, я стал огрызаться:

– **У кого я хожу? Я – что считаю нужным, то и делаю. И ни у кого на поводу не хожу! А от Гуревича я не слышал за год вообще никаких диссидентских разговоров.**

И фильмы у него есть и о грузинах, и о русских, и об иконах... – со мной было кончено,

но я кинулся отмазывать Гуревича,

ибо всё, что происходило, было по моей вине.

Я был сбивчив, но видимо говорил горячо – говорил, что Гуревич мастер, Гуревич профи, Гуревич классик – странно, но Проценко слушал. Я видел – он отходил от своей вспышки.

*

– **Так! Все свободны, ты остался**, – вдруг встал и объявил Проценко, – **И ты, девушка, иди, погуляй**, – это моей перепуганной подружке с застывшей улыбкой.

Все вышли.

*

Когда все выходили, я тоже почему-то встал.

Мы стояли друг против друга.

Он был немного ниже меня ростом, но шире – крепкий мужик с казачьей чуть выющейся чёлочкой...

*

Что было дальше – мало кто поверит.

Но, как это касается Гуревича, я всё же, дорасскажу.

В словах, может, и не точно – за смысл ручаюсь.

*

– **Наглый ты...** – как-то устало сказал Проценко, – **... ни с кем не считаешься. Не люблю наглых... чёрт с тобой и твоим Гуревичем. Квартальный план горит – я пописываю акт, едешь в свой Новосибирск...**

– **Я из Ленинграда...**

– **Не перебивай, бл... дь! ... Едешь в Новосибирск, выкидываешь на... уй этот митинг.**

И какой чёрт меня опять дёрнул:

– **Я ничего не буду выкидывать...**

Пауза...

– **Ты что оборзел, ...ля?**

*

Министр со мной говорил, как шпана из подворотни.

Просто он не привык, что бы ему говорили нет.

– **Ну, почему оборзел?** – возразил я.

– **Выкинул на... уй этот эпизод, я сказал!** – заорал Проценко.

Не зря у них в кабинетах двери были с обивкой.

– **Не выкину.**

Проценко присмотрелся ко мне:

– *Не пойму – у тебя связи? ... или ты дурак?*

– *Нет у меня связей*, – голосом утопленника сказал я.

– *Значит, дурак. Сам сказал*, – усмехнулся Проценко – видно было – он от меня уже устал, – *Короче!... зае... ал! Выбрасываешь этот ё... аный митинг, я подписываю – идёшь дальше, в Госкино СССР.*

Что за черти дёргали меня в тот день за язык – не знаю, но я опять сказал:

– *Да не буду я ничего выбрасывать*

*

Проценко побагровел.

И тут – я ушам своим не поверил:

– *Ты что – в е... льник хочешь!*

И тут повёлся я...

*

Я не люблю, когда со мной так разговаривают.

И хрен с ним – что министр.

Не гнев, не агрессия, а какое-то нехорошее безразличие посетило меня.

Я довольно долго занимался восточными единоборствами, когда это было ещё полезно...

Но тут министр...

*

Справа была финская стенка, соответствующая его рангу в советской иерархии – призы, подарочные вазы, бюстик Ленина, тома Ленина...

Я повернулся к ней и...

всадил кулак в какую-то дверцу.

Смысл, как я помню, был таков – ты, конечно, министр – можешь делать, что хочешь – и я это вынужден буду проглотить.

Но смотри, что могло быть с твоим лицом...

*

Ударить-то я ударил, да не совсем удачно ударил —

жгучая боль пронзила руку до локтя.

Дверца хрякнула и отвалилась. Но не до конца – только, приоткрывшись, перекосилась.

За дверцей был зеркальный бар и стояли горлышки бутылок...

*

Надо отдать Проценке должное – он остался абсолютно спокоен, только криво усмехнулся. Не обращая на меня внимания, потрогал дверцу бара, пытаясь её поправить, потом вышел из кабинета, закрыв за собой дверь...

*

...я решил – за милицией.

Стоял, как дурак, посреди его кабинета – бури всяческих мыслей налетали на меня, как стаи воронья.

Я уже и сел, и Гуревича посадили, и на Курсах идут повальные аресты...

И дико болела рука. Причём, почему-то вся. И начинало подташнивать...

*

...дверь открылась и вошёл Проценко.

В руке у него была большая заледеневшая бутылка «Посольской» и горсть соевых батончиков в другой.

Как будто меня нет, он полез в поломанный бар:

– *Вот режиссёр пошёл – мебель ломает... да какой режиссёр – студент!*

Достал два тонких стакана, с хрустом открыл бутылку, налил сантиметра по три в каждый, развернул две конфеты.

Усмехнулся:

– *Иди. Выьем за знакомство*

*

Я подошёл и понял, что правой рукой не могу взять стакан.

Взял левой.

Он поднял стакан:

– *Я – Проценко. Александр Иванович. Министр... А ты кто?*

Чёрт, как же мне стало стыдно... Я не знал, что и ответить.

– *Давай. Герой*, – он протянул стакан.

Мы чокнулись и выпили.

*

С детства не люблю соевые батончики.

– *За бутылку возьми*, – кивнул на руку Проценко.

О, какое это успокоение – раскаленная рука на ледяной бутылке.

– *А сейчас – зови свою тёлку – посидим, потолкуем.*

*

Соевые батончики быстро кончились. Он сказал:

– *Секретарша ушла. Леня за закусоном идти. Давай, жевачкой закусывать.* –

А как это?

Он достал из поломанного бара блок жёлтой пахучей мечты детства «Juicy Fruit», раскрыл две пластинки, мы ещё раз махнули, он выдохнул и стал учить:

– *Смотри. Выпил. И сразу в рот. Слюна прёт. И жуёшь – слюной запиваешь.*

Это оказалось чертовски вкусно.

*

Мы просидели с ним часа три.

Умяли эту 0.75. Сжевали полблока резинки.

И говорили, говорили, говорили – о кино, о жизни, о Гуревиче.

Бедная моя подружка просидела почти молча.

Бедная моя рука.

*

– *Что у тебя с рукой*, – когда вышли, спросила подружка.

– *Распухает иногда. Ни с того, ни с сего... Может, это наследственное?*

И поехали в травмпункт.

Два пальца были сломаны.

*

Что сделал хитрейший Проценко?

Он принял фильм. Но с гневными идеологическими поправками про эпизод с митингом, приложив эту бумажку к остальным документам.

А мне сказал:

– *А теперь иди в Госкино СССР сдавайся. А я посмотрю.*

И засмеялся.

Потому что самое страшное – было впереди.

*

Как я там сдавал – это отдельные рыдания, но Гуревич в них почти не фигурировал.

*

Гуревич не слышал эту историю.

Я просто не знал, как ему её рассказать.

Много было жёстких слов, жёстких мыслей.

Я и сейчас-то не всё рассказал – так, историю-лайт.

Но через месяц, два, он вдруг с удивлением сказал:

– Ты знаешь, Проценко ко мне стал лучше относиться. Тут видел его – он так со мной – вежливо – как ваша мастерская? С чего бы это? Может подлянку какую задумал?

Он был мнителен.

Как человек, которого много гнали.

*

Агент КГБ

Гуревич поймал меня в Доме кино, шепчет и оглядывается, как шпион:

– Американцы предлагают тур – советские режиссёры со своими фильмами в Америке. Никаких чиновников. Я, вроде, главный. Пробиваю – тебя... —

и на весь вестибюль,

– ... но меня эти американцы подозревают, что я из КГБ. Нет, ну не идиоты! —

опять, почти шёпотом,

– Буду тебя отстаивать. Но... я тебя очень прошу – если ты останешься в Америке – мне конец... — сделал ужасные глаза, – *Дай слово.*

– Даю, – говорю я страшным шёпотом.

Потому что не верил ни в какую Америку.

А в вестибюле-то никого и не было.

*

89-тый. Конец зимы и февраля.

Шереметьево.

– Не грустно? С родины уезжать, – вдруг спросил Гуревич.

Я не понял – какая грусть?

Полетели...

*

Первый раз JFK

Сели в Нью-Йорке. В аэропорту Кеннеди – аэропорт JFK.

– Грустишь? По родине?

Во, думаю, заладил – мы ж только улетели – какая грусть?

– А еврею хорошо, – как-то облегчённо вздохнул Гуревич, – Не надо по родине скучать.

Когда уезжаешь. Как уехали две тысячи лет назад, так и не грустим.

Тут остановимся...

Но запомним этот чортов аэропорт JFK...

*

Америка

Десять, что ли, советских режиссёров со своими фильмами, безо всяких чиновников, в несколько этапов должны были колбасить по Америке.

Показ фильма, встреча со зрителями. Час и час.

Когда вместе, когда порознь, но мы с Гуревичем всё время вдвоём.

Потом Гуревич придумал – лекция, показ, потом ответы на вопросы.

Тут стали платить.

Аж по 200 долларов за лекцию.

*

Совки в Америке тогда были популярны и на нас был лом.

Появились деньги.

Научились сами ходить за водкой.

Потом стыдливо прячем пустые бутылки.

Диссидент Гуревич говорит позорные вещи:

– ***Что подумают о советском человеке?***

Но и я – я думаю так же.

*

Профессора

Он был раним.

Принимали нас всё сплошь профессора.

Среди которых попадались и кинематографические.

Рядом с ними Гуревич, был даже не академиком, а...

*

А он никак не мог понять, откуда их тут столько?

Отъездив пол Америки, он вдруг стал представляться:

– *Профессор Гуревич*

Заметив, что я улыбнулся, в следующую лекцию он сказал:

– *Профессор Гуревич. Профессор Мирзоян*

Профессор Мирзоян показывал курсовой фильм после первого года учёбы на Высших Режиссёрских Курсах.

Хорошо – об этом никто не знает.

*

Так и проехали остальную половину Америки – когда профессорами, когда помалкивая.

И это не было жульничеством, это было даже не ребячеством – по сравнению с их профессорами, Гуревич был, как...

*

Сидели у одного из таких кинопрофессоров в гостях.

Дом – полная буржуазная чаша.

Беседа – высокоумнейшая.

Что-то про будущее социалистическое устройство человечества.

Потому что жена его – сенатор местного разлива.

От разговоров про кино кинопрофессор почему-то отлынивал.

Потом встал и торжественно вынес нам калейдоскоп сына какого-то китайского императора аж XVI-го века —

показал из своих рук в открытом футляре.

Еле укланчили дать в глаз посмотреть.

На конце – снаружи – огромный, гранёный на сотни граней, горный хрусталь внутри камни – рубины, изумруды – красотища!

Бесчисленное количество переливающихся комбинаций.

Можно снимать, не выключая камеру и подложив музыку – бесконечное кино.

Слегка, правда, формалистическое и медитативное.

О чём я тут же и заявил.

– *А какой будет социальный контекст?* – с птичьим лицом спросил профессор кинематографии.

*

– *Слушай. А ведь кто-то из нас дурак – я или он? Ты как думаешь?* – спросил Гуревич потом про того профессора.

Спросил, потому что у профессора был огромный дом с бассейном и четыре машины.

А у Гуревича был письменный стол.

*

У другого профессора.

Пили виски.

А виски дали – как украли.

– *А закуску-то когда дадут?* – всё шёпотом терзал меня Гуревич.

А я знал?

И вообще – полагается ли?

Не дурной ли это тон – закусывать?

*

Закуски так и не дали.

Но беседа была приятной.

Позже выяснилось – пили мы очень, очень старый виски, из оплетённой серебром ручной работы бутылки, которым надо было наслаждаться,

а не как мы, деревенщина – пить.

– **Идиот! Предупреждать надо**, – обиделся на профессора потом Гуревич, – **А ещё профессор называется!**

*

А в гостинице – заказали с ним мексиканскую пиццу, острую как раскалённая кочерга и очень вкусно и весело закусили ею водку.

В тот вечер родилась знаменитая фраза Гуревича:

– **Шикарная страна Америка. Здесь пьют и гуляют, не закусывая.**

А я думал – это Галич. Или Давлатов.

*

ЯЗЫКИ

Был говорлив.
Говорить любил.
Не потому что был словобол и страдал логореей.
Слово – было его стихией.
И он был в ней, как боцман, знающий каждую гайку этого парохода.
И никогда не говорил, пока его не спросят.

*

Языка не знал поначалу вовсе.
Путался страшно.
Вместо Хай, говорил Бай. И наоборот.
Улыбки американцев по этому поводу принимал, как симпатии.
Но заявил:

– В общем – с языком у меня – более, или менее. Юд – знаю. Остальное – подучим...

Ну, сколько там ещё у них слов?

– Тысяч тридцать, – наобум ляпнул я.

Стал в уме считать:

– В день по слову – это когда я выучу?

– Через сто лет.

– А по два?

– Через пятьдесят.

Расстроился.

*

Фукидид

Вернулся откуда-то, возбуждённый, оскорблённый.

– *Нет, ну ты кому скажи – негр меня жидом обозвал!*

– *А как узнали?*

– *Так он так прямо и сказал – фук юд!... И для этого надо было ехать в Америку?*

Даже фак почему-то не мог запомнить.

Говорил:

– *Фук я его!*

Я поправлял:

– *Фак*, – и называл Фукидидом.

– *Да какая разница! Я тут фукнул на одного – так он понял.*

Но потихоньку язык одолел.

*

Статуя Свободы

Стоим под самой этой дамой, маленькие такие, а она в предремонтном каком-то состоянии.

Всё про неё рассказали – сколько от земли кончика факела и пр. – ждём кого-то, кто повёт нас ей в голову.

Гуревич, то был – весь внимание, вдруг говорит:

– Неуютно я как-то себя чувствую под ней. А ты?

– На Гекату похожа. Тожже лучи из башки торчат.

– А кто такая Геката?

А и я сам не очень знал. Но недавно где-то случайно прочёл:

– Богиня лунного света, потусторонних сил и ядовитых растений.

– Да ну тебя! Вечно ты со своими символизмами. Я тебя спрашиваю – как тебе свобода?

– Ну... так... пьянит... и в туалет очень хочется.

– Надеюсь, не насрать на Свободу? – Нет. По-литловому.

Мы уже начинали осваивать английский.

Что он потом сказал, как сейчас, слышу:

– А я чувствую себя маленьким... беспомощным... перед этой прожорливой свободой... не спрятаться у неё под подолом... такая же империя, как СССР... не опалили бы они мир этой своей свободой.

– Там – вам нравилось с коммунизмом бодаться. Здесь – есть повод с капитализмом побороться, – многоумно подметил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.